

Андрей Булах

КАМЕННОЕ УБРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА

*Шедевры архитектурного
и монументального
искусства Северной
столицы*

Андрей Булах

Каменное убранство Петербурга

«Центрполиграф»

Булах А. Г.

Каменное убранство Петербурга / А. Г. Булах —
«Центрполиграф»,

Андрей Булах приглашает взглянуть на Санкт-Петербург в неожиданном ракурсе, а именно обратить внимание на его каменное убранство. Автор рассказывает о гранитах, мраморах, известняках, использовавшихся зодчими при создании шедевров архитектурного и монументального искусства в процессе формирования облика Северной столицы, описывает каменный декор улиц, площадей, набережных, отдельных зданий, памятников и архитектурных ансамблей.

Содержание

От автора	5
Петербург разных лет	7
Город Петра – деревянный и каменный	14
Необычное в привычном. Сюрпризы Петербургских камней	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Глебович Булах

Каменное убранство Петербурга

От автора

Обогащенный европейскими впечатлениями Петр I в своих мечтах видел новую российскую столицу неким подобием Амстердама: с каналами не же голландских и построенной из камня.¹ Но многое из задуманного он не успел и не сумел исполнить.

Естественно, первые здания для государственных учреждений и храмов воздвигались из доступного материала – дерева, дома обывателей еще многие-многие годы сооружались также из него. Каменные (кирпичные) строения в молодом городе могли позволить себе лишь очень состоятельные люди.

Периодические разрушительные пожары, конечно, стимулировали каменное строительство. Но не только это. Столица гигантской империи, создаваемая с «чистого листа», должна была иметь и соответствующий облик.

Лишь постепенно С.-Петербург обрел величие и блеск...

В этой книге мы коснемся особых страниц архитектурно-строительной истории Санкт-Петербурга. Вас ожидает обстоятельное ознакомление с темой, обычно глубоко не исследуемой в работах искусствоведов, историков архитектуры Северной столицы – речь здесь пойдет о каменном убранстве нашего города.

Из какого камня создавались шедевры его архитектуры? Какие существуют виды и разновидности «благородных» природных материалов, пригодных для строительства? В чем их особенности? Как они добывались и обрабатывались? И почему избирал тот или иной архитектор именно этот камень, откуда нужный камень доставляли для воплощения его замысла в Петербург? И что использовалось свое, русское, а что чужое? Как в своих художественных образах использовали цвет и рисунок гранита и мрамора Ринальди, Томон, Кваренги, Воронихин, Росси, Монферран, Эдгар Шмидт? Что нового появилось позже среди декоративных каменных материалов и в выразительных средствах у Шретера, Мессмахера, Перетятковича, Бенуа, Цайдлера, Гершовича, Крыжановского, Карла Шмидта, Барановского? Сколь разнообразна палитра камня в работах Лидваля, Минаша, Бубыря и других архитекторов-ценителей камня из прошлого века. А в настоящее время?

Мы пройдемся по улицам города и, конечно же, войдем внутрь некоторых особняков, дворцов, церквей, чтобы увидеть и обсудить богатую палитру их каменного декора. Здесь все по-иному, нежели в фасадах.

Фрагментарно к этой теме я обращался ранее (иногда в соавторстве с Н.Б. Абакумовой, И.Б. Борисовым, В.В. Гавриленко, Е.Г. Пановой и И.Э. Воеводским) в нескольких изданиях, в журнальных статьях, в сборниках Государственного Эрмитажа, Царскосельского музея-заповедника и т. п. Опубликована научная монография «Экспертиза камня в памятниках архитектуры».

Однако впервые, благодаря любезному предложению издательской группы «Центрполиграф», у меня появилась возможность систематизированно, без ограничений в объеме книги поделиться многими сведениями, накопленными за годы работы и представляющими несомненный интерес для любознательных ценителей истории и архитектуры С.-Петербурга.

¹ Об этом и многом другом замечательно рассказывается в книге Евгения Викторовича Анисимова «Петербург времен Петра Великого» (СПб., 2008). Советую всем неравнодушным к истории нашего города познакомиться с ней.

Необходимые уведомления: об использовании камня в зданиях и интерьерах станций метро в предлагаемой работе намеренно не упоминается, об этом говорится в книге «Порфир и мрамор, и гранит.», написанной мною совместно с И.Э. Воеводским (СПб., 2007).

Все даты и фамилии архитекторов выверены по справочнику А.М. Гинзбурга и Б.М. Кирикова (1996) и справочнику-путеводителю В.Г. Исаченко (2004).

Фотоиллюстрации – автора, его студентов-геомологов, минерологов и реставраторов, а также из ресурса интернета.

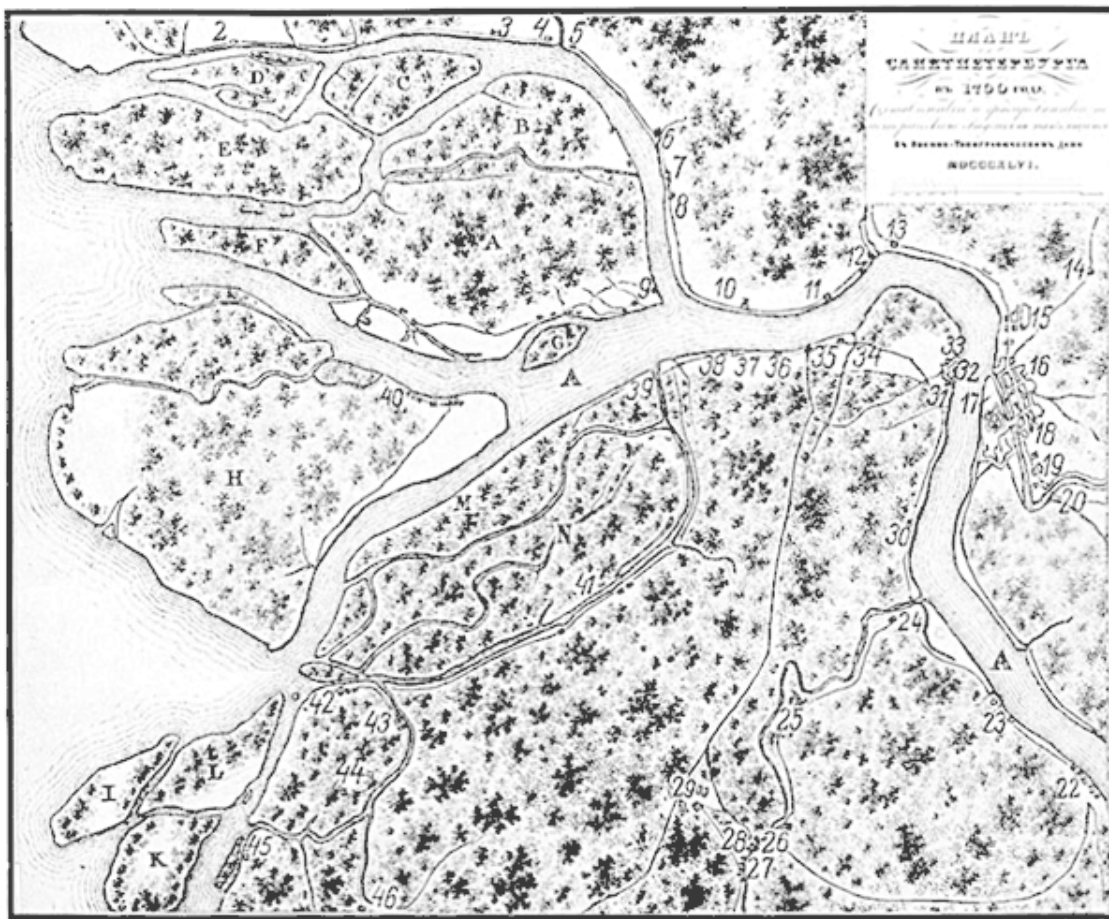
Мои благодарности: я признателен судьбе, давшей мне дружбу и многолетнее сотрудничество с Наталией Борисовной Абакумовой (1935–1991). Некоторые совместно с ней написанные главы из книги, вышедшей в 1987, 1993 и 1997 гг., легли в основу нынешнего издания. Я благодарен Валерию Григорьевичу Исаченко за советы и замечания к рукописи.

Петербург разных лет

Основание города

В 1700 г. в устье Невы, на месте будущего Петербурга, было более тридцати мелких пристанищ, мыз, хуторов и деревенок. Почти все они располагались по берегам Невы (по-фински Nawa – большая река, большая вода) и ее протоков. Исключением были деревня Калина (от нее возникли названия Калинкина деревня, Калинкин мост) и хутор Усадит на берегу реки, теперь называемой Фонтанкой, а также деревни Кауралассия, Большой Гольтинс, Сютала на Черной речке в районе нынешней Волковой деревни и хутор Малый Гольтинс около теперешнего Красненького кладбища.

Находились в этих местах и два крупных поселения – друг против друга на обоих берегах Невы. На левом лежало русское село Спасское с церковью (район нынешнего Смольного). На правом берегу Невы, у устья реки Охты, стояли шведская крепость Ниеншанц и рядом с ней – пятьсот дворов со шведской и немецкой кирхами, с госпиталем и с кирпичным производством. Это большой по тем временам город. Он назывался Ниен или Ниенштадт, то есть Новый город, и его заложил Карл IX еще в 1610 г. В XIII в. здесь был шведский город Лансдкрона.

Местность Петербурга в 1700 г. (по атласу Цылова)

Обособленно от поселений у транзитных дорог располагались постоянные дворы (по-старому, кабаки). На карте 1700 г. их указано три; значит, местность уже тогда была проезжая

и не безлюдная. Дороги вели из Новгородских земель и от Нарвы в Карелию, к Выборгу и в сторону северных поморских земель.

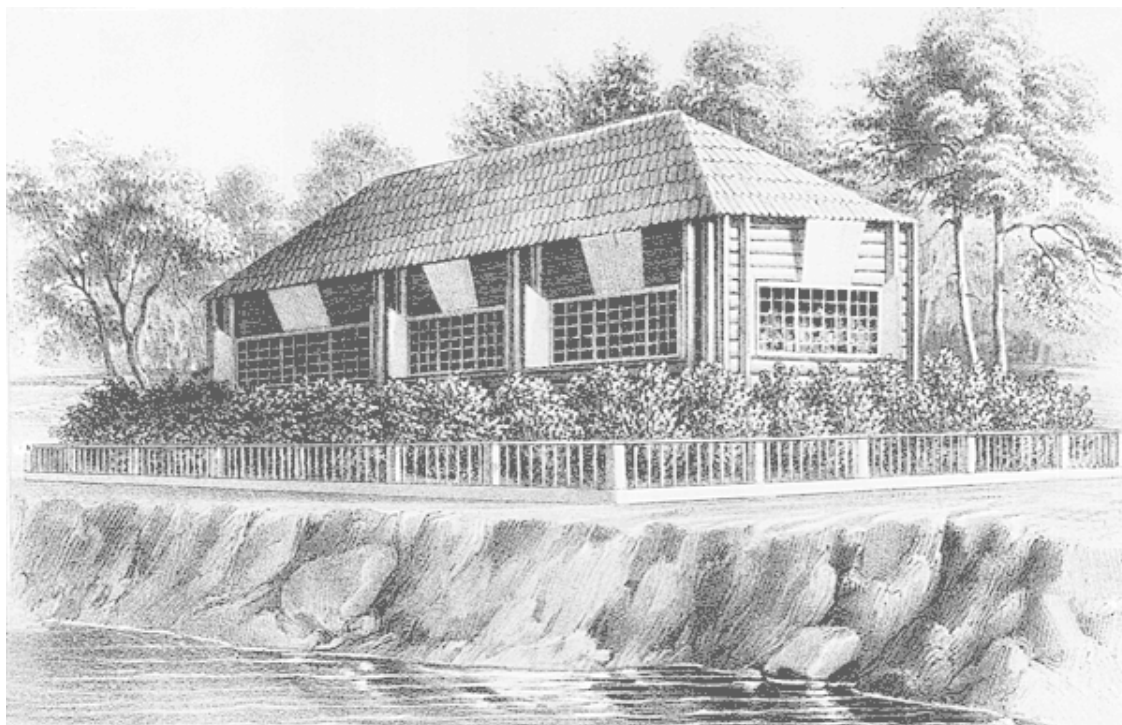
Петр I пришел на Неву по Ладогe, отгесняя на своем пути шведов. 24 октября 1702 г. он взял штурмом крепость Нотебург (Шлиссельбург) в истоке Невы. 1 мая 1703 г. пал Ниеншанц, уже на самой Неве. Петр выбрал для строительства русской крепости Заячий остров (у финнов он назывался Енисаари, у шведов – Хазенхольм и Люст-Эланд). Крепость заложили 16 мая 1703 г., в день Святой Троицы, в отсутствие Петра (он в те дни пребывал в Лодейном Поле). В наше время по правилам нового летосчисления этой дате соответствует 27 мая. Крепость получила свое название 29 июня 1703 г., в день святых апостолов Петра и Павла, то есть в Петров день. От нее название постепенно перешло на город. В документах той поры он именуется как Петрополь, Санкт-Питербург, Санткпитербурх, Питербурх, Санкт-Петер-Бурх, Санктпетербург, Санкт-петербурк, Санкт-Петер-бурх, Санктьпетербург, С. Петерзбург². Сам Петр чаще писал на голландский манер – «Санкт-Питер-бурх». В 1712 г. город стал столицей Российской империи.

1703–1725 годы

Первый жилой дом на месте будущего города появился на острове Койвусаари (по-русски – Березовый остров). На нем Петр остановился на три дня в собранном для этого походном бревенчатом голландском домике. Домик Петра стоит до сих пор и является высокочтимой реликвией истории Петербурга и России. В 1844 г. над ним возведен кирпичный шатер.

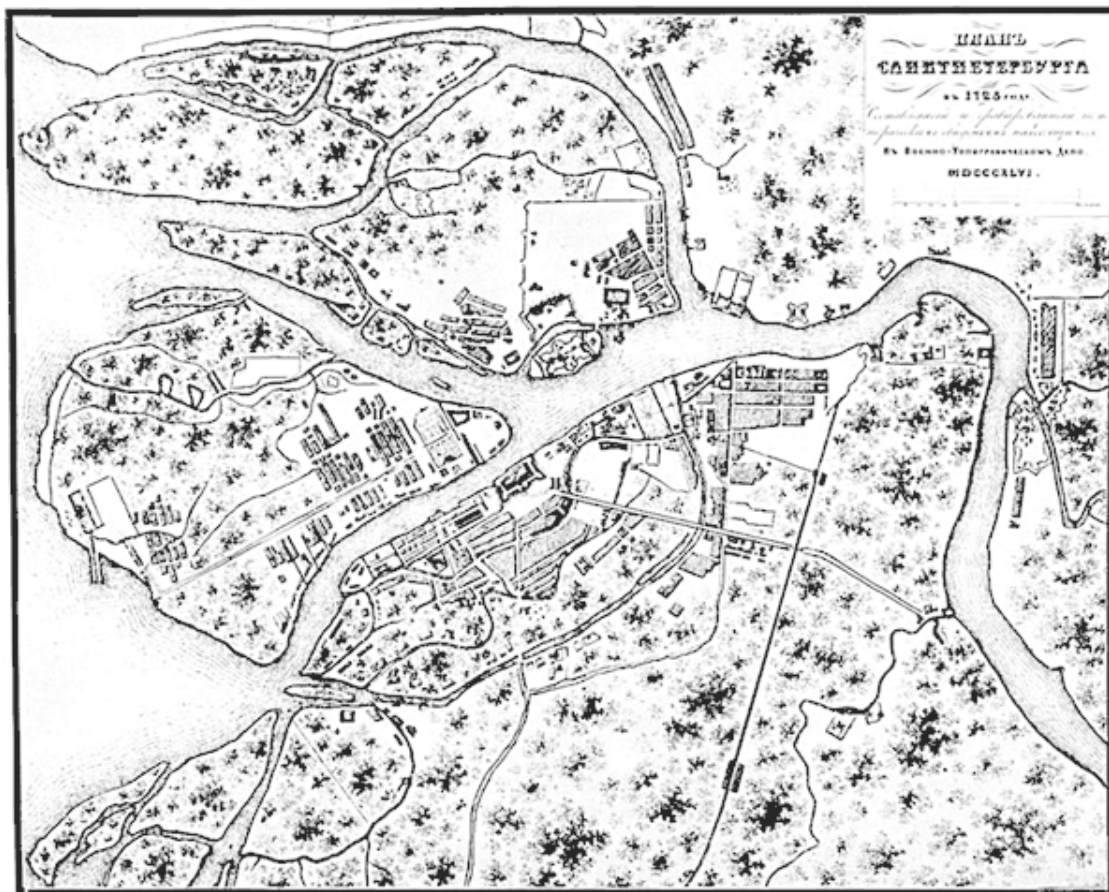
Несколько лет город словно искал наиболее рациональное соотношение своих частей. На Березовом острове, где он начал расти, кроме домов и шалашей рабочих людей появились дом князя А.Д. Меншикова, Биржа, Гостиный и Монетный дворы. На Заячьем острове велось строительство Санкт-Питер-Бурхской крепости с церковью святых апостолов Петра и Павла, с комендантским домом и арсеналом. На левом берегу Невы возводилось Адмиралтейство, расположились дома рабочих людей и бивуачный военный лагерь. В Летнем саду построили дворец для Петра. Для прикрытия города с севера от нападения шведов на Аптекарском острове построили небольшие укрепления – батареи; такая же батарея появилась на стрелке Васильевского острова.

² Анисимов Е.В. С чего начинался город / Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003. С. 27.

Домик Петра

Надежной транспортной магистралью из центральной России в Петербург являлся водный путь по рекам, каналам и озерам к Ладоге и далее – вниз по Неве. Также с юга к Неве вел старый Новгородский тракт. Он пролегал там, где местность у болотистой приморской низины резко поднималась метра на полтора и становилась сухой. Этот перепад высот фиксирует древний берег Балтийского моря около пяти тысяч лет назад. В городской части тракт постепенно превратился в одну из главных транспортных магистралей – Лиговскую улицу (ныне это проспект). Сейчас из-за ремонтов, подсыпок, многократного профилирования городских улиц и проспектов древний береговой уступ, по которому проходил новгородский тракт, почти исчез, но в нескольких дворах между Лиговским проспектом и улицами Пушкинской и Восстания есть сложенные из известняковых плит стены – они маркируют уступ, бывший здесь когда-то на берегу древнего моря.

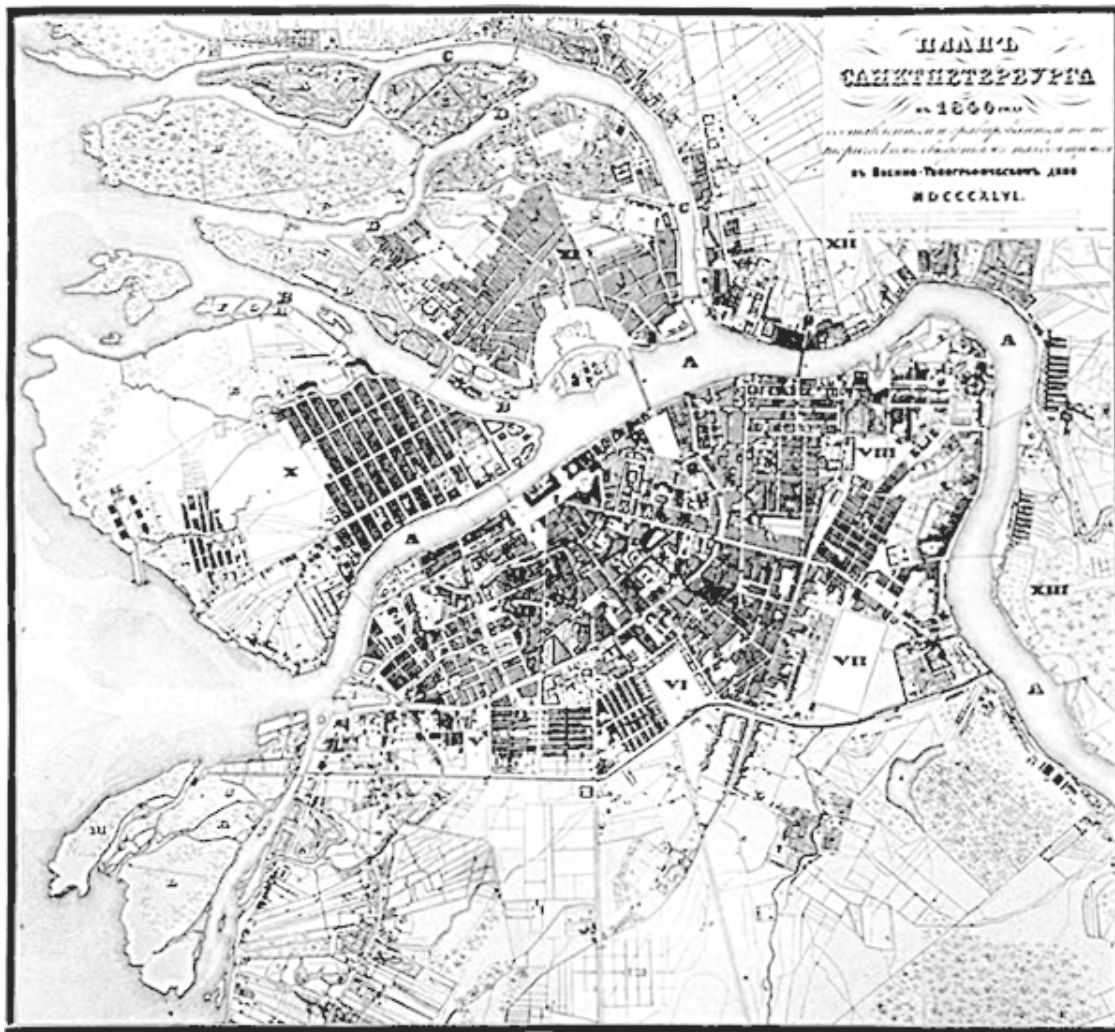
Петербург в 1725 г. (по атласу Цылова)

В первые годы возведение города не отличалось какой-либо регулярностью. Петр, занятый делами и сражениями, в это время был далеко от своей будущей столицы. Замысел Петра создать хорошо спланированный город сначала развивался в проектах архитекторов Ж.-Б. Леблона и Д. Трезини, позднее – П.М. Еропкина. Регулярную застройку осуществляла специальная канцелярия городских дел. К концу жизни Петра I уже сложился своеобразный облик Петербурга и наметились многие черты планировки, получившей заверченный вид к 60-м гг. XVIII в.

На карте Санкт-Петербурга, составленной в последний год жизни Петра I, видна простота застройки Васильевского острова и Адмиралтейской части города, заметно менее регулярной выглядит его Петербургская часть. На Васильевском острове четко просматривается магистраль нынешнего Большого проспекта, система улиц – «линий», набережные (теперь Университетская и Лейтенанта Шмидта). К югу от Адмиралтейства и Невской перспективы уже тогда пролегали теперешние улицы Галерная, Почтамтская и другие. Ясно прослеживается линия нынешнего Литейного проспекта, переходящая к югу от Невской перспективы в дорогу на месте будущего Владимирского проспекта. Затем эта дорога поворачивает к западу и после нового поворота уходит далеко за черту города на юг (в современной планировке она не сохранилась). На этой же карте видно положение Лиговского канала, Лиговского бассейна и труб для снабжения водой фонтанов Летнего сада. Лиговский канал, созданный в 1718–1725 гг., был проведен от реки Лиги (которая вытекала из озера на Дудергофских высотах).

Середина XIX – начало XX веков

Почти все характерные черты центра современного Санкт-Петербурга сложились к 1840-м гг. В Петербургской части уже возникли Кронверкский проспект, Песочная улица и Аптекарский проспект; точно в створ Большого проспекта переместился Тучков мост. На Васильевском острове проложены Косая линия, Кожевенная линия, Гаванская и другие улицы. В Адмиралтейской части города вытянулась во всю свою длину Садовая улица.

Петербург в 1840 г. (по атласу Цылова)

Появилась сеть ныне существующих улиц и проспектов в так называемой Нарвской части города. Полностью проведен Обводный канал. Наведен Троицкий pontонный мост.

Шагнем через десятилетия. Значение улиц центральной части города осталось почти прежним. Главные перемены произошли после сооружения постоянных мостов через Большую и Малую Неву и через Невки. Они изменили транспортные потоки и значение городских магистралей. Первым, еще в 1844–1850 гг., был построен Благовещенский, затем, в 1875–1879 гг., Александровский (Литейный) мост. В связи с этим перестали существовать наплавные Исаакиевский и Воскресенский мосты и изменились транспортные магистрали. Позднее, в 1897–1903 гг., через Неву был сооружен постоянный Троицкий мост, в 1909–1911 гг. – мост императора Петра Великого, а в 1912–1916 гг. – Дворцовый мост.

1920—1930-е годы

После 1914 г. строительство города сначала замерло. К 1920—1930-м гг. относится опыт создания на заводских окраинах города коммунального жилья для рабочих. Рождается стиль экономного конструктивизма, когда лаконичная архитектура жилых зданий точно соответствует продуманной скромности и простой рациональности их внутренней планировки. Правда, нормой в 1923 г. считается одна комната для одного человека. Но уже в 1929 г. – это 9 квадратных метров на человека, потом – еще меньше³. Зато для рабочих строятся дома культуры, школы, бани, фабрики-кухни. В это время создаются знаменитые авангардистские ансамбли жилых и административных зданий за Нарвскими воротами на проспекте Стачек, на Лесном проспекте, у улицы Бабурина, в районе Щемиловки, у стадиона «Динамо», на Троицком поле и в других, большей частью окраинных местах города.

1930-е гг. знаменуются все нарастающим отставанием жилищного строительства от притока населения в город; как результат, в Ленинград надолго приходит быт коммунальных квартир. Архитектура подчинена идее создания человека нового общества. Сносятся многие носители старой духовности – церкви и другие здания, уничтожаются памятники городской скульптуры. Вместе с тем как символы нового социального устройства страны вырастают свои шедевры архитектуры, например пропилеи Смольного, большой административный дом на Литейном проспекте, Дом Советов на Московской площади, кинотеатр «Москва», жилой дом Ленсовета на реке Карповка, стадионы им. С.М. Кирова и «Петровский», дворцы и дома культуры и многие другие здания. Создаются новые городские ансамбли. Через Неву строится мост Володарского.

1945—1950-е годы

В новой архитектуре Ленинграда господствует время «ленинградской», или новой архитектурной, классики, по В.Г. Исаченко⁴, но строительство не имеет размаха. Оно сводится к возведению немногочисленных жилых домов и зданий общественного назначения – они с классическими портиками и колоннами, а потому их относят к стилю сталинского ампира. Нередко они становятся архитектурными доминантами прилегающих городских территорий. Из них даже формируются ансамбли, например на площадях Ленина, Сенной, Комсомольской, Светлановской, на Московском проспекте.

1960—1980-е годы

Это был период массового возведения по типовым проектам громадных кварталов жилых домов, детских садов, школ, кинотеатров, торговых центров преимущественно в окраинных районах города. Жизнь наконец-то начала уходить из ленинградских коммунальных квартир. Но архитектура этих новых районов до сих пор остается угнетающе безликой из-за экономии при их строительстве. В это же время в старой части города были возведены значительные по своему архитектурному звучанию здания, например Большой концертный зал «Октябрьский», новое здание Театра юных зрителей, Спортивный комплекс «Олимпийский»,

³ Купайгородская А.И. Начало восстановления народного хозяйства / Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003. С. 482.

⁴ Исаченко В.Г. Архитектура Санкт-Петербурга.: Справочник-путеводитель. СПб., 2004.

здание Публичной библиотеки на Московском проспекте. Массовое строительство жилья кончилось в 1990-е гг.

Новейшее время

После 1996 г. в разных частях города начинается строительство жилых домов как способ вложения капитала частных и полугосударственных фирм в недвижимость. В старой части города возводятся здания, нередко безжалостно ломающие его историческую архитектурную среду. Таков жилой дом с флигелями и корпусами на Шпалерной улице, 60, срезавший наполовину вид вдоль нее на Смольный собор, а за ним в перспективе Шпалерной улицы прислонился справа еще один высотный дом (он стоит на другом берегу Невы). Небоскреб со шпилем на Выборгской стороне разорвал линию домов у гостиницы «Санкт-Петербург» на Неве. Бестактной громадой вырос на Невском проспекте дом за площадью Восстания. Перспективу Литейного проспекта нарушил башенный дом вдали, построенный на Выборгской стороне. Таких примеров, к сожалению, очень много, и число их растет. Архитектура центра города утрачивает свою гармонию; Санкт-Петербург постепенно, но уверенно теряет свое место среди красивейших исторических городов мира.

Город Петра – деревянный и каменный

Всмотримся пристальнее в даль петровского времени. Как же создавался каменный город?

До 1709 г. строительство на месте будущего Санкт-Петербурга шло стихийно, подчиняясь целям и возможностям момента. Петропавловская крепость возводилась земляной, а внутри появились четыре ряда деревянных домов и деревянная, в голландском вкусе, Соборная церковь Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, расписанная под желтый мрамор. Крепостные ворота (потом получившие название Петровских) тоже были деревянными. Лишь с 1706 г. вокруг Петропавловской крепости начали возводить каменные бастионы и стены⁵. Но внутри нее еще в 1713 г. стояло деревянное здание Сената, а на площади рядом с крепостью – деревянная Троицкая церковь.

Адмиралтейство на противоположном берегу Невы было обнесено земляным валом. Невдалеке находилась деревянная Исаакиевская церковь. Жилые дома на Адмиралтейском острове и Городской стороне строились деревянными или мазанковыми, то есть глинобитными, как украинские хаты и с дерном на крыше. Мазанковыми были здания Сената, двухэтажного Гостиного двора на Городской стороне, Почтового двора (он стоял у места нынешнего Мраморного дворца), Литейного двора у Невы выше места истока из нее Фонтанки. Наружные стены этих зданий обычно красились под вид кирпича или естественного камня.

Петр задумал построить первый в России каменный город. Здесь «камень» означает прежде всего кирпич. Он, а не дерево, должен был стать главным строительным материалом. В середине 1710-х гг. первыми каменными сооружениями стали дом канцлера Г.И. Головкина на Городской стороне, Летний и Второй зимний дворцы Петра на левом берегу Невы и дворец Меншикова на Васильевском острове. Указывают⁶, что дом Головкину построили из привозного шлотбургского кирпича. Архитектор Д. Трезини разработал типовые проекты жилых домов, но жители неохотно возводили их.

Все же строительство города требовало все больше кирпича. В окрестностях – на Неве, реках Тосне, Ижоре и по другим речкам, где имелись глина и песок, – выросли казенные, адмиралтейские, монастырские и частные кирпичные заводы. Всего лишь через семь лет после основания города производилось около 1 миллиона штук кирпича в год, а в 1718 г. – около 10–15 миллионов, также наладили производство каменной черепицы.

Быстрая организация кирпичного производства, конечно, большое достижение, но кирпича постоянно не хватало. Например, для строительства дома Нарышкиных в 1726 г. потребовалось 438 200 штук кирпича и 2512 бочек извести (каждая по 20 пудов). То есть можно было возводить примерно лишь 30 таких кирпичных зданий в год. Поэтому его приходилось привозить и издалека – из Новгорода и Ладоги, но и это не избавляло от острой нехватки материала. Даже известный указ Петра от 9 октября 1714 г. о запрете на каменное строительство в России вне Петербурга и об обязанности имущих сословий строить в камне на свои средства только в новом городе не смог изменить состояние дел – спешить и не хотелось, да и не из чего было строить. Камня указ не прибавил, зато каменщики приехали со всех концов России⁷.

Запрет на деревянное строительство в Петербурге нарушался постоянно и в массовом порядке, а сами городские власти делали все больше послаблений. Указ от 20 мая 1724 г. признал нехватку кирпича и извести для его кладки уважительной причиной невыполнения

⁵ Даты (здесь все по старому стилю) и цифры даны по книге С.П. Луппова «История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века». М.; Л., 1957.

⁶ Анисимов Е.В. С чего начинался город / Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003. С. 55.

⁷ Анисимов Е.В. Как строили и жили в петровском Петербурге / Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003. С. 96.

царской воли об обязательном строительстве каменных домов в Петербурге. Все же каменное строительство росло. Известно, что только на Васильевском острове к 1726 г. возведено 113 каменных домов. По отношению к общему числу дворов на Васильевском острове это немного, прямых цифр для 1726 г. нет, но есть сведения, что в 1717 г. там насчитывалось примерно 4300 дворов.

Естественный строительный камень вблизи города почти не встречался. Бутовую известняковую плиту добывали в долинах Тосны и у Пулковской горы, она шла на фундаменты. По берегам рек разрабатывали известняк для обжига и получения извести. Ее для кирпичной кладки требовалось огромное количество. Например, в 1720 г. одна лишь Канцелярия городских дел заготовила 48 511 бочек извести (вес бочки упомянут выше). Камень для ее выжигания добывали на реках Сясь, Тосна, Пудость, Шелонь, Мста. Очень-очень редко, очень мало и далеко удавалось найти песок, пригодный для производства оконного стекла. Его отливали на стекольных заводах в Ямбургском уезде. Поэтому часто в окна вставляли бычий пузырь или пластины бесцветной прозрачной слюды (мусковита), добываемой у Белого моря. В основном же оконное стекло приходилось привозить из зарубежных стран. В 1713 г. в Петербург доставлено 40 пудов мусковита и привезено из-за границы 150 ящиков оконных стекол.

Проблемой стал поиск каменного сырья для производства цемента, необходимого вместо извести при закладке фундаментов в сырых грунтах. Его производили на специальных заводах на реке Пудость, в Красном Селе и рядом с Копорьем, а кроме того, также везли из чужих земель.

Камень для отделки зданий и вырезки декоративных архитектурных деталей применяли традиционный для прибалтийских стран – плитчатый известняк и плитчатый мраморовидный известняк. Прерывистая полоса его выходов на поверхность на обрывах вдоль рек и морского побережья протянулась с запада от острова Эланд у берегов Швеции до устья Волхова и до Ладоги на востоке. Этот камень со средних веков служил традиционным строительным материалом. Им облицованы стены крепостей и башен, церковных зданий, жилых домов, амбаров в Швеции, Германии, Польше, Эстонии. Такие же плиты использованы при возведении церквей и фортификационных сооружений Изборска, Пскова, Копорья и Старой Ладоги. За столетия накопились традиция и умение работы с таким плитчатым известняком. Поэтому его выходы на реке Тосна и у Путиловской горы вблизи Ладоги, к югу от нее, осваивались без промедления. Камень шел на наружную обкладку кирпичных стен внизу, у уровня земли, на лещадные плиты вокруг стен, на изготовление ступеней, лестничных площадок и междуэтажных перекрытий в каменных домах богатых владельцев. По местам добычи камень назывался путиловской, тосненской, волховской плитой. Это первый местный строительный и декоративный камень Петербурга, прошедший вместе с ним всю историю строительства и жизни города. Он добывается в тех же карьерах и используется по сию пору.

Вторым декоративным местным природным камнем стал травертин, или известковый туф, с реки Пудость под Гатчиной. В то время в Англии вошло в моду сооружение в садах гротов и изготовление скульптур из травертина. Похожий камень из-под Гатчины сразу же использовали в Петербурге в декоративных сооружениях создающегося по желанию Петра Летнего сада. Пудостский камень (туф, травертин, известняк – его называют по-разному) легко поддавался резцу. Он надолго остался излюбленным материалом петербургских мастеров городской скульптуры.

Природный камень как эффектный и необычный декоративный материал был использован в наличниках дверей – наружных и ведущих из нижних сеней в первую приемную Петра в его Летнем дворце (1710–1714, арх. Д. Трезини). Это черный мраморизованный известняк, доставленный, вероятно, из Бельгии. В портике Меншиковского дворца (1710–1714, арх. Д. Фонтана и Г. Шедель) применен песчанистый мраморовидный известняк желтовато-серого цвета из Эстляндии. Привезенные из далеких европейских стран мраморы – черный (бельгий-

ский?), белый (итальянский?), сургучный (шведский?) и другие – уложены в полах, набранных «в шахмат», в этих же двух дворцах. Они же применялись в декоре интерьеров более поздних построек членов царского дома вблизи Санкт-Петербурга – в Петергофе, Ораниенбауме, Стрельне и др. Также как экзотический для России того времени декоративный материал природный камень употреблялся «на европейский манер» в Летнем саду. В гротах это пудостский камень из-под Гатчины, в садовых строениях – путиловский камень, мрамор – в привозных садовых скульптурах работы итальянских мастеров. Прочный, сходный с мрамором камень доставлялся из Эстляндии, например «из камня, привезенного с... ломок близ Ревеля ...резьбу делали» при строительстве Петропавловского собора (1710–1732, арх. Д. Трезини). К сожалению, в литературе более конкретных сведений нет.

В целом же Петр не добился своей цели – он не успел создать задуманный им город. Каменные дома располагались лишь по набережным Невы и ее протоков. У реки вырос Петропавловский собор, постепенно возводились Двенадцать коллегий и Кунсткамера. А все внутренние улицы застраивались деревянными домами. Набережные тоже сооружали из дерева. Улицы были вымощены камнем, но далеко не все. Их мощение началось уже в 1710 г. на Финляндской стороне под руководством немецких мастеров. Обязанность сбора камней возлагалась на население (по сто штук с человека), предполагалось собрать 826 400 штук. А собрать удалось 214 800 камней. Их попросту не было ни в городе, ни рядом. Поэтому 24 октября 1714 г. последовал указ о привозе камней на всех приезжающих возах (по 3 камня весом не менее 5 фунтов) и прибывающих судах (по 10–30 камней весом не менее 10 фунтов). Но камня все равно не хватало. Его покупали за громадные по тем временам деньги у торговых людей.

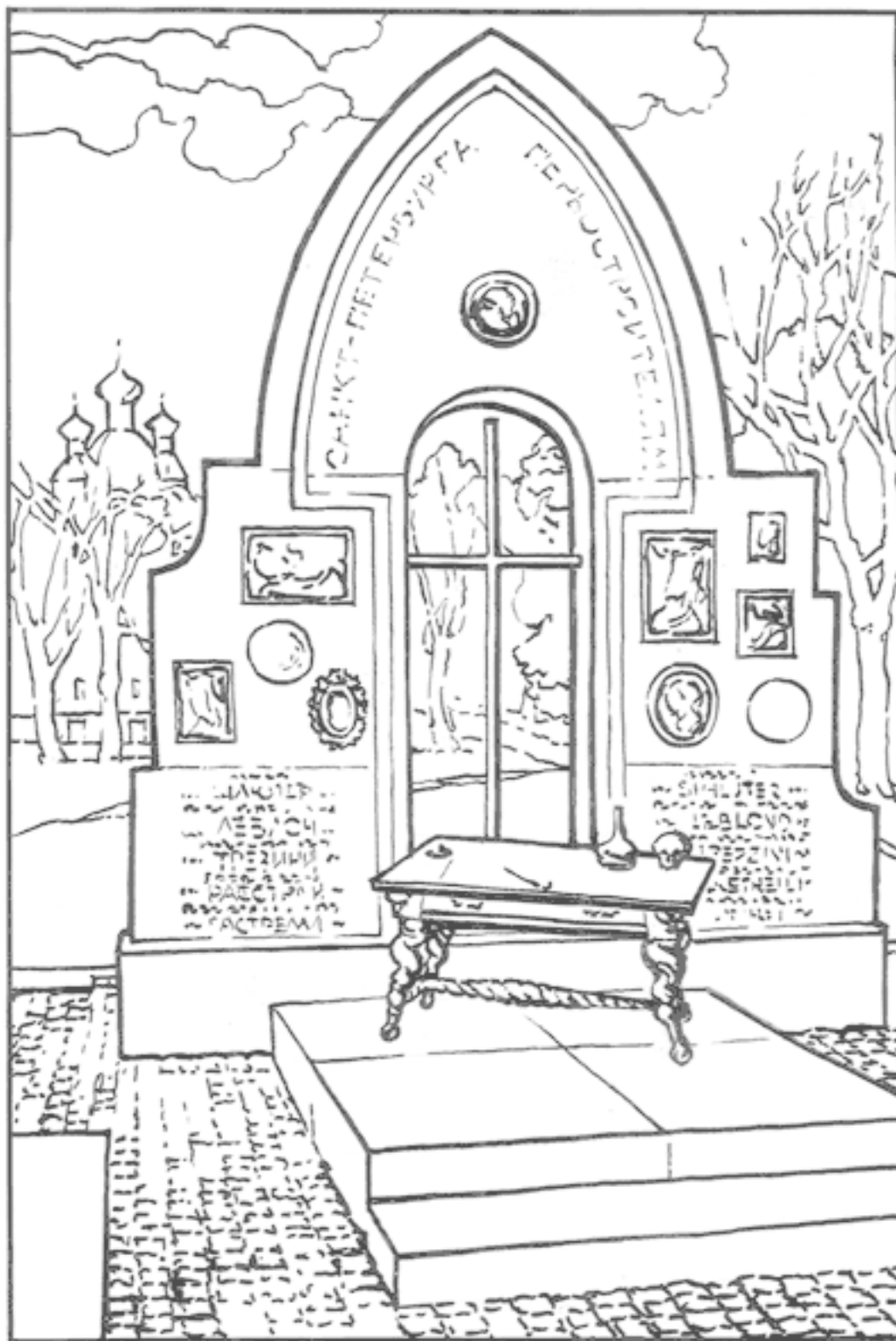
Жители сами мостили улицы вдоль своих домов и участков. Мостовые предназначались для пешеходов и пассажирских экипажей. Центральная часть дороги оставалась немощеной, по ней передвигались грузовой транспорт и конные всадники. Площади и улицы у административных зданий мостило городское управление. Самым лучшим и чистым был Невский проспект от Адмиралтейства до Новгородской дороги (Лиговского проспекта). Вдоль Невского по обеим сторонам шли аллеи деревьев в три-четыре ряда.

Прошло много десятилетий, прежде чем Петербург стал преимущественно каменным (кирпичным) городом. Каменные дома еще долго уживались в нем с деревянными.

Необычное в привычном. Сюрпризы Петербургских камней

«Петербург – каменный город» – за этой трафаретной фразой обычно следует рассказ о гранитных набережных Невы, камне Гром и Александровской колонне. Камень в них предстает чем-то непознанно немым. За что же он ценился и ценится архитекторами? Только ли за его прочность? Мы коснемся здесь особой темы: как зодчие, перенося в Петербург образы западной архитектуры, использовали традиционные и привычные для них сорта природного камня, доставлявшиеся им для этого из Европы. Европейский камень в Петербурге встречается повсюду. Зодчие не только повторяли известные архитектурные сюжеты, но использовали те же материалы. И русский камень разыскивался точно по их замыслу, а не брали любой гранит или мрамор по велению императрицы. И не всяким камнем была и есть богата Россия.

Доменико Трезини привнес в город традицию использования камня, типичного для Копенгагена и других прибалтийских городов. Это плитчатый известняк. Уже упоминалось, что вблизи Петербурга есть немало его месторождений, главное из них – Путиловское. Хорошие мраморовидные его сорта, плотные и цветные, доставлялись в Петербург из Эстонии, а лучшие – из Швеции. Именно шведский камень с острова Эланд в Ботническом заливе является материалом наборного, «в шахмату», пола на лестничной площадке второго этажа перед входом в Круглый зал Академии художеств. Из плит шведского же камня набран пол в центральном нефе Спасо-Преображенского собора. Надо сказать, что сургучный цвет камня с Эланда неповторим. Его везли в разные сооружаемые соборы Германии. Более того, его плиты использованы в Лиссабоне в полу собора Св. Марии в Белене, сооруженном в XVI в. Места встречи в Петербурге с камнем из Европы оказываются вне внимания историков архитектуры. Они, видимо, не знают этой ее стороны.

Памятник первым строителям Санкт-Петербурга (ск. М.М. Шемякин, арх. В.Б. Бухаев). Рис. Я. Котова, 1999 г.

Финский гранит – другой, казалось бы, тривиальный для Петербурга природный камень. Отойдем и здесь от обычной линии рассказа о происхождении его звучного названия «рапакиви» и его добыче на берегах и островах Финского залива. Дело не только в том, откуда этот гранит. В творениях Кваренги, Тома де Томона и Росси он словно бы имитирует камень скал и

холмов в основании древнегреческих и древнеримских построек. Там это мрамор, но мрамора вблизи Петербурга нет, да он и неустойчив в северном климате, а потому его естественным заменителем стал в Петербурге финский гранит. Его было легко доставлять по морю.

Тома де Томон использовал два сорта одного и того же финского гранита для облицовки подиума здания Биржи, внизу идут два ряда громадных облицовочных блоков розового гранита, а два верхних ряда – серого. Чтобы попытаться проникнуть в смысл такого художественного приема, надо подняться наверх и бросить взгляд на Ростральные колонны с самой верхней ступени широкого лестничного марша, ведущего к старому, уже давно забытому (и забитому) входу в Биржу. При взгляде отсюда в сторону Невы серый цвет гранита в верхних ступенях лестницы и в ее боковинах (тетивах) сливается с серым цветом гранита в постаментах Ростральных колонн.

Вид на стрелку Васильевского острова. И.В. Ческий и М.И. Шапошников. 1817 г.

Биржа, арх. Т. Томон (часть панорамы А. Тозелли, 1817–1820 гг.)

Эту примелькавшуюся всем картинку теперь можно увидеть по-новому

Теперь спуститесь на несколько ступенек вниз. Вы уже не видите серого гранита, а розовые нижние ступени и розовая нижняя часть подиума Биржи гармонируют с розовым гранитом в парапетах набережной.

С подиума Биржи открывается вид на широкую здесь гладь Невы, словно зритель находится у храма Посейдона на мысе Сунион на берегу Апполона в Греции. Это совсем невдалеке от Афин. Знал ли об этом храме Тома де Томон? Обычно же Биржу сравнивают с другим храмом Посейдона – в древнегреческой колонии Пестум на юге Апеннинского полуострова (в современной Италии это к югу от портового города Салерно). Оба храма каменные, в дорическом стиле. На мысе Сунион он легкий, из мрамора. В Пестуме – приземистый, тяжелый, из пористого травертина. В Петербурге здание кирпичное, оштукатуренное. Только его подиум

облицован гранитом. Кстати, базы дорических колонн Биржи вырублены из цельных кусков именно того же гранита. Посмотрите на них – они громадные и сложного профиля. Их вырубка требовала большого мастерства.

Как видно, архитектор хорошо знал декоративные свойства простого, казалось бы, гранита и умело применял его в разных цветовых сочетаниях. И опять-таки, этот художественный прием использования камня не отмечен историками архитектуры в их публикациях о Тома де Томоне. Он говорит о тонком понимании архитектором красоты камня. Интересно, что в европейских городах розовый финский гранит, типичный для старого Петербурга, продолжает использоваться и сейчас как особо ценный декоративный материал. Этот же гранит применяется в современном строительстве в других городах мира и в Африке, и в Австралии, и в Америке.

Казанский собор, одна из архитектурных доминант Невского проспекта, – словно бы встреча с Римом в Петербурге. Материал колонн Казанского собора, как и в колоннаде собора Св. Петра в Риме, – травертин. Воронихин не только использовал архитектурную идею, но решил подыскать тот же материал для ее воплощения. Очевидно, дороговизна доставки камня из Италии заставила архитектора заменить его на травертин (известковый туф) из-под села Пудость в окрестностях Гатчины. (Любопытно, что в 1980-е гг. в городе Ямосокро в республике Кот-д'Ивуар в Западной Африке возвели самый высокий в мире католический собор тоже по образу собора Св. Петра в Риме. Травертин для внешней облицовки его стен и для колоннады и все другие каменные материалы для декора собора привозили из Италии.)

Совсем неожиданная параллель открылась автору при посещении Копенгагена: колонны с бронзовыми изображениями Ники на Конногвардейском бульваре в Петербурге и в парке у копенгагенской гавани почти повторяют друг друга. Главное различие состоит в том, что фуст (тело) колонн в Петербурге гранитный, а в Копенгагене – мраморный.

Малиново-красный «порфир» из Карелии – один и тот же и в памятнике Николаю I в Петербурге, и в саркофаге на могиле Наполеона в Доме Инвалидов в Париже. Место встречи в Петербурге с розовым гранитом из Швеции – Летний сад, где у Карпиева пруда до ее гибели в 2008 г. стояла высокая шведская каменная ваза. Ее постоянно называли порфировой, но она изготовлена из особого шведского гранита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.